

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

— Romance —

НОРА РОБЕРТС

Большие тайны
маленького отеля

Завораживает. Поражает.
Бодрит и вдохновляет.
The New York Times

Впервые на русском

Нора Робертс

Большие тайны маленького отеля

«Центрполиграф»

1989

Робертс Н.

Большие тайны маленького отеля / Н. Робертс —
«Центрполиграф», 1989

Тайный агент Роман Девинтер приехал на острова Сан-Хуан по заданию ФБР. Поступил сигнал, что в маленькой провинциальной гостинице крутятся большие дела: кто-то проворачивает аферы с фальшивыми деньгами и помогает иностранцам, скрывающимся от закона, пересекать границу. Роман устроился в отель плотником и смог беспрепятственно наблюдать за делами хозяйки Черити Форд. Однако эта девушка явно была не похожа на преступницу, способную организовать подобные махинации. Черити думала только о работе! К тому же она была так очаровательна... Но если Черити невиновна, то кто же стоит за всем этим? Или она просто хорошая актриса?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Нора Робертс

Большие тайны маленького отеля

Глава 1

Все необходимое лежало в рюкзаке, висящем за плечами, включая его девятимиллиметровый. Впрочем, если все пройдет гладко, ему не придется воспользоваться оружием.

Роман вытащил сигарету из помятой пачки в нагрудном кармане и отвернулся от ветра, чтобы раскурить ее. Вдоль ограждения парома пробежал мальчик лет восьми, с радостью игнорируя крики матери. И Роман неожиданно почувствовал симпатию к ребенку.

Было очень холодно. Пронизывающий, обжигающий ветер с залива Пьюджет-Саунд казался далеко не весенним. Но отсюда открывался изумительный вид. Конечно, сидеть в холле салона со стеклянными стенами было бы куда уютнее, но потерялась бы значительная часть впечатлений.

Блондинка с розовыми щеками и быстро краснеющим носом увела ребенка. И Роман слушал их жалобы друг на друга, пока женщина тащила мальчика назад, во внутреннее помещение. Родственники, думал он, редко соглашаются друг с другом хоть по какому вопросу. Отвернувшись, Роман перегнулся через поручни, лениво покуривая, а паром тем временем двигался мимо огромных островов.

Они оставили линию горизонта Сиэтла позади, хотя горы материка все еще возвышались вдали, впечатляя любого наблюдателя. Здесь ощущалось одиночество, несмотря на редких закаленных пассажиров, которые прогуливались по наклонной палубе или сидели на деревянных скамьях, пытаясь насладиться солнечными бликами. Роман же предпочитал город с его ритмом, толпами народа и энергетикой. С его анонимностью. Мегаполисы всегда были ему по душе.

Роман постоянно ощущал тревожащую неудовлетворенность, но сколько бы ни старался понять, откуда она идет или почему так сильно давит на него, все было бесполезно.

Работа. Последний год Роман винил во всем работу. Напряжение... Он всегда принимал его и даже искал. И думал, что жизнь без этой составляющей будет скучной и бесцельной. Но в последнее время одного напряжения стало не хватать. Роман переезжал с места на место, мало что беря с собой и еще меньше оставляя за спиной.

Время выбирать, думал Роман, наблюдая за идущим встречным курсом рыболовецким судном. Пора двигаться дальше. Но что делать? Роман с отвращением задумался, выпуская кольцо дыма. Может, заняться собственным бизнесом? Он рассматривал эту идею раз или два ранее. Может, пуститься в путешествия? Роман уже объездил весь мир, но ведь в роли туриста это занятие может стать совершенно иным.

На палубе появился отважный мужчина с видеокамерой. И Роман сменил позу, оказавшись вне зоны съемки. Однако, вероятнее всего, предосторожность была излишней – движение стало инстинктивной реакцией. Как настороженность и случайная поза, скрывающая абсолютную готовность действовать.

Мужчина не обращал на него особого внимания, а некоторые женщины не раз кидали на него взгляды.

Роман был выше среднего роста и обладал телосложением боксера легкого веса – был крепким и подтянутым. Но мешковатая куртка и потертые джинсы скрывали превосходно развитые мышцы. Роман не надел шапку, и его густые черные волосы трепал ветер. Он мог похвастаться впалыми щеками и суровыми чертами, но еще большую мужественность его лицу при-

давала легкая щетина. Светло-зеленые глаза могли бы смягчить дьявольскую наружность, не будь они такими серьезными и пронизательными.

Это задание обещало быть заурядным.

Роман услышал гудок – судно подходило к причалу – и поправил рюкзак. Рутинное дело или нет, но это его работа. Он сделает ее, напишет отчет, а затем возьмет несколько недель отпуска, чтобы определить цель всей дальнейшей жизни.

Роман сошел на берег вместе с немногочисленными пассажирами. Сладковатый аромат цветов соперничал с более тяжелым запахом воды. Цветы росли повсюду, придавая этому месту фантастическое великолепие. Многие соцветия были размером с его кулак. Роман оценил их яркость и очарование, но он не тратил времени на то, чтобы остановиться и понюхать розы.

Автомобили съезжали с пандуса. Водители разъезжались по домам или же направлялись осматривать местные достопримечательности. Когда освободятся автомобильные палубы, на борт поднимутся новые пассажиры и отправятся на один из островов или же в более долгую поездку до Британской Колумбии.

Роман вытащил еще одну сигарету, прикурил и небрежно огляделся – посмотрел на живописные сады, на очаровательный отель и ресторан, плакаты, дающие информацию о переправах и автостоянке. Теперь все сводится к правильному выбору времени. Он проигнорировал открытое кафе, хотя с удовольствием выпил бы чашечку кофе, и направился к площадке, отведенной под стоянку.

Роман достаточно быстро заметил фургон – бело-голубой, с эмблемой гостиницы «Понаблюдай за китами» на боку. Его работа заключалась в том, чтобы попасть в этот фургон и в саму гостиницу. Если детали касательно этого аспекта были тщательно проработаны, тогда дело действительно будет стандартным. Если же нет, он найдет другой способ.

Остановившись, Роман нагнулся, чтобы завязать ботинок. Автомобили постепенно загружались на паром, а пассажиры без транспорта уже стояли на палубе. Сейчас на стоянке находилось не более дюжины машин, включая фургон. Он помедлил еще мгновение, чтобы расстегнуть куртку, и в тот момент увидел женщину.

Волосы она заплела в косу, а на снимке в ее деле волосы были распущены. Под солнцем светлый цвет ее волос казался более насыщенным и ярким. Ее глаза скрывали темные очки с большими желтыми линзами на пол-лица, но Роман знал, что не ошибся – он видел изящную линию ее подбородка, маленький, прямой нос и полные, красивые губы.

Ему предоставили достоверную информацию. Женщина обладала спортивным телосложением, ростом выше среднего.

Одета она была в джинсы и толстый свитер кремового цвета поверх голубой рубашки. Джинсы были заправлены в замшевые сапоги до лодыжки, а в ушах покачивались тонкие хрустальные серьги.

Она шла целеустремленно, в руке позвякивали ключи, а через плечо была перекинута большая брезентовая сумка. В ее походке не было ни грамма кокетства, но мужчины заметили бы ее – широкий, быстрый шаг, изысканное покачивание бедер, поднятая голова и взгляд, устремленный вперед.

Да, мужчины заметили бы, думал Роман, откидывая сигарету. И она прекрасно понимает это.

Роман выждал, когда женщина дойдет до фургона, и лишь потом двинулся по направлению к ней.

Черити перестала напевать финальную часть Девятой симфонии Бетховена, опустила взгляд на переднее колесо фургона и выругалась. Она не думала, что за ней наблюдают, поэтому со всей силы ударила по нему, а затем направилась к задней дверце, чтобы вытащить домкрат.

– Какие-то проблемы?

Черити вздрогнула и чуть не уронила инструмент себе на ногу, а затем повернулась на голос.

Мужчина, с которым трудно иметь дело. Такова была ее первая мысль при взгляде на Романа. Одной рукой он придерживал лямку рюкзака, а другую засунул глубоко в карман. Его глаза были прищурены из-за яркого солнца. Черити приложила руку к сердцу, убеждаясь, что оно все еще бьется, а затем улыбнулась:

– Да. У меня спустило колесо. Только что привезла на пристань семью из четырех человек, двоим из них нет еще и шести, но они – явные кандидаты в исправительную школу для малолетних нарушителей. Мои нервы на пределе, в шестом номере пришли в негодность водопроводные трубы, а мой мастер на все руки выиграл джекпот в лотерею.

В папке не было ни слова о том, что голос Черити похож на кофе с молоком – насыщенный, какой можно отведать в Новом Орлеане. Роман отметил эту деталь, запомнил ее, а затем кивком указал на колесо:

– Хотите, чтобы я поменял его?

Черити смогла бы сделать это и сама, но не в ее правилах было отказываться от помощи. Вероятно, мужчина справится с этой задачей быстрее, да и выглядит он так, что те пять долларов, которые она даст за работу, пригодятся ему.

– Спасибо. – Черити вручила незнакомцу домкрат, затем подняла лимон, который выпал из ее сумки. Замена колеса, похоже, заберет то время, которое она планировала отвести для обеда. – Вы только что сошли с парома?

– Да. Я путешествовал и подумал, что стоит провести некоторое время на вашем острове – Оркасе. – Роману не нравились светские беседы, но он поддержал разговор так же умело, как использовал домкрат. – Интересно, смогу ли я увидеть китов?

– Вы приехали в нужное место. Вчера я видела стаю из своего окна. – Черити прислонилась к фургону, наслаждаясь солнечным светом. Пока мужчина работал, она наблюдала за его руками – сильными, умелыми, быстрыми. Черити ценила людей, способных хорошо выполнять простую работу. – У вас отпуск?

– Просто путешествую. Временами берусь выполнять различные поручения. Знаете кого-нибудь, кто нуждается в помощи?

– Может быть. – Сжав губы, Черити изучала мужчину, пока тот снимал колесо. Он выпрямился, держа в одной руке крышку. – Какую работу вы выполняете?

– Да любую. Где запасное?

– Запасное? – Черити смотрела в его глаза чуть больше десяти секунд и теперь ощущала себя загипнотизированной.

– Колесо. – Уголок его рта слегка дрогнул в невольной улыбке. – Вам необходимо несущее колесо.

– Верно. Запасное. Оно сзади. – Покачивая головой из-за собственной глупости, Черити решила обогнуть фургон, чтобы принести колесо, обернулась и врезалась прямо в своего помощника. – Простите.

Мужчина положил ладонь на руку Черити, чтобы удержать ее на месте. Одно мгновение они стояли в лучах света и, нахмурившись, изучали друг друга.

– Все в порядке. Я сам принесу.

Когда Роман забрался в фургон, Черити перевела дух. Ее нервы были напряжены куда сильнее, нежели она считала.

– О, будьте аккуратны, там... – Она скривилась, наблюдая, как Роман счищает с джинсов остатки леденца. Смех вырвался у Черити непроизвольно и был таким же густым, как ее голос. – Простите. Подарок от Джимми Разрушителя Маккарти. Помните, пятилетний правонарушитель, о котором я рассказывала в самом начале?

– Я бы предпочел получить футболку.

– А кто поступил бы иначе? – Черити забрала у него остатки конфет, завернула в платок и убрала в сумку. – У нас отдыхают и всей семьей, – объяснила она, когда Роман выбрался из фургона вместе с колесом. – Почти все радуются, когда рядом бегают дети, но порой появляется такая парочка, как Джимми и Джуди – близнецы-вампиры из городка Уолла-Уолла, – тогда уже начинаешь подумывать о превращении гостиницы в ремонтный пункт. Вы любите детей?

Роман установил колесо на место и на мгновение поднял глаза.

– Только с безопасного расстояния.

Черити одобрительно засмеялась над его ответом.

– Откуда вы родом? – задала она новый вопрос.

– Из Сент-Луиса. – Роман мог назвать любое из дюжины мест, но решил сказать правду, хотя и сам не сумел бы ответить, почему так поступил. – Но я не часто возвращаюсь туда.

– А семья?

– У меня ее нет.

Тон его ответа заставил Черити подавить врожденное любопытство. Она не станет посягать на частную жизнь человека, так же как не будет бросать остатки леденца на землю.

– А я родилась здесь – на Оркасе. Каждый год говорю себе, что потрачу шесть месяцев на путешествие. Куда угодно. – Черити пожала плечами, а Роман в это время закрепил последнюю гайку. – Но похоже, я никогда не смогу сделать это. Так или иначе, но здесь тоже красиво. Если у вас нет предельных сроков, то однажды поймаете себя на том, что находитесь на острове куда дольше, нежели планировали.

– Может быть. – Роман поднялся, чтобы вернуть на место домкрат. – Если смогу найти работу и жилье.

Черити не считала свое решение импульсивным. Она ведь изучала мужчину, оценивала и рассматривала его в течение почти пятнадцати минут. А большинство собеседований о приеме на работу длится куда меньше времени. У него была широкая спина и умные, почти сбивающие с толку глаза, а уж если состояние его обуви и сумки принять в расчет, то мужчине явно изменяла удача. Как того требовало ее имя¹, Черити учили протягивать людям руку помощи. И если она тем самым еще сумеет решить одну из своих срочных и неотложных проблем...

– А вы умеете работать руками?

Роман посмотрел на Черити и не смог сдержаться – его мысли последовали в совершенно другом направлении от того смысла, который она вложила в свои слова.

– Умею. И достаточно хорошо.

Ее бровь, как и кровяное давление, немного поднялась, когда Черити поймала быстрый взгляд Романа.

– Я имела в виду инструменты. Молоток, пила, отвертка. Вы справитесь с плотницкой работой и хозяйственным ремонтом?

– Конечно.

Будет легко, даже слишком. Роман внезапно задался вопросом: откуда появился этот легкий и непривычный укол вины?

– Я уже говорила, что мой разнорабочий выиграл в лотерею, и приз немаленький. Он уехал на Гавайи, чтобы любоваться девушками в бикини и есть гавайские блюда. Я пожелала бы ему удачи, если бы мы не занимались обновлением западного крыла гостиницы. – Черити указывала на логотип на боку фургона. – Если вы разбираетесь в каменной кладке и работе с деревянными брусьями, то я могу обеспечить вас комнатой и питанием. И буду платить пять долларов в час.

– Похоже, мы оба решили свои проблемы.

– Вот и отлично! – Она протянула руку. – Меня зовут Черити Форд.

---

¹ Черити – благотворительность (англ.).

– Девинтер. – Он пожал предложенную руку. – Роман Девинтер.

– Хорошо, Роман. Забирайтесь внутрь.

Она не выглядит доверчивой, подумал Роман, опускаясь на сиденье рядом с Черити. Но он прекрасно знал, что внешность обманчива. Благодаря этому сейчас он добился своего и ему не пришлось пускаться в долгие, пространные объяснения. Когда Черити выехала со стоянки, Роман прикурил сигарету.

– Мой дедушка основал гостиницу в 1938 году, – проговорила она, опуская окно. – За все эти годы он пару раз кое-что менял, но это по-прежнему гостиница. Мы не смогли назвать ее курортным местом, даже в брошюрах. Надеюсь, вам подходит уединение.

– Да, меня это устраивает.

– И меня. Большую часть времени.

Словоохотливый парень, с легкой улыбкой подумала Черити. Она вполне может говорить за них обоих.

– Сейчас самое начало сезона, поэтому далеко не все наши номера заселены. – Она выставила локоть в открытое окно и радостно приняла на себя весь груз разговора. Солнечные лучи играли в сережках. – У вас будет масса свободного времени, чтобы побродить в округе. Вид с горы действительно впечатляющий. А еще у нас превосходные пешие маршруты, если вас это интересует.

– Я подумывал о том, чтобы некоторое время провести в Британской Колумбии.

– О, это достаточно легко. Просто воспользуйтесь паромом, идущим до Сиднея. Мы часто принимаем туристические группы, которые направляются туда или обратно.

– Мы?..

– Гостиница. Мой дедушка построил шесть домиков в шестидесятых. Туристам мы предоставляем специальный перечень услуг – они могут снять домик и вдобавок получают завтрак и ужин. В действительности домики простоваты, но у туристов пользуются успехом. Примерно раз в неделю к нам приезжает группа туристов, а в разгар сезона их число возрастает в три раза.

Черити свернула на узкую, извилистую дорогу и продолжила ехать со скоростью пятьдесят миль в час.

Роман знал ответы, но понимал: будет странно, если он не задаст вопросов.

– Вы управляете гостиницей?

– Да. Я работаю там, сколько себя помню. Когда пару лет назад умер мой дедушка, взяла на себя управление. – Черити замолчала на мгновение – ей все еще было больно, и она считала, что так будет всегда. – Он любил гостиницу. Не просто место, а саму идею – ежедневное знакомство с новыми людьми, узнавание каких-то новых вещей. Ему нравилось создавать для гостей уют.

– Думаю, дела у вас идут неплохо.

Черити пожала плечами:

– Мы справляемся.

Они миновали поворот, и лес сменило обширное пространство голубой воды. Вдали на отвесных скалах было разбросано несколько домов. А по водной глади, оставляя за кормой след, летела лодка с раздуваемыми ветром белыми парусами.

– Похожие виды можно встретить по всему острову. Даже когда долго живешь здесь, не устаешь удивляться.

– Здешние места хороши для бизнеса.

Черити немного нахмурилась.

– Пожалуй, – проговорила она и посмотрела на Романа. – А вы действительно хотите увидеть китов?

– Раз я здесь, значит, эта идея показалась мне привлекательной.

Черити остановила фургон и указала на скалы:

– Если у вас есть терпение и хороший бинокль, то вон оттуда лучший обзор. Мы видели китов и из гостиницы. Я уже говорила, если вы хотите посмотреть ближе, лучше будет воспользоваться лодкой.

Роман не ответил, и Черити вновь завела мотор. Он вызывает у нее беспокойство, поняла Черити. Казалось, Роман смотрит не на воду или лес, а на нее.

Роман тем временем взглянул на руки Черити. Сильные, умелые, работающие руки, решил он. Хотя пальцы начали нервно постукивать по рулю. Теперь она ехала на высокой скорости, легко ведя фургон по горной дороге. К ним приближалась еще одна машина. Не сбрасывая скорости, Черити подняла руку в приветственном жесте.

– Это Лори, одна из наших официанток. Она работает в утреннюю смену и возвращается домой, когда из школы приходят ее дети. Обычно в начале сезона штат персонала – десять человек, а затем мы нанимаем еще пять или шесть временных работников.

Они миновали еще один поворот, и перед глазами предстала гостиница. Она была именно такой, какую Роман и ожидал увидеть, но все равно оказалась куда более очаровательной, нежели на снимках, которые ему показывали. Здание было белым с голубой отделкой вокруг сводчатых и овальных окон. Роман полюбовался причудливыми башенками, узкими дорожками и широким крыльцом. Протяженный газон спускался прямо к воде, к узкой, шаткой пристани. Возле нее лениво качалась привязанная маленькая моторная лодка.

Колесо мельницы вращалось в мелком пруду возле гостиницы, мелодично шлепая по воде. А на западе, где деревья росли гуще, Роман мог различить один из домиков, о которых говорила Черити. И везде росли цветы.

– На заднем дворе пруд побольше этого.

Черити свернула и въехала на маленькую стоянку, посыпанную гравием, уже наполовину заполненную.

– Мы разводим там форель. Тропинка приведет вас к первому, второму и третьему домикам. Затем она разветвляется и идет к четвертому, пятому и шестому. – Черити вышла из машины и подождала, пока Роман присоединится к ней. – Почти все пользуются задним входом. Позже я покажу вам участок, если, конечно, захотите, но для начала мы разместим вас.

– Здесь мило, – сказал Роман, на самом деле так считая.

На заднем квадратном крыльце стояли два кресла-качалки и глубокое деревянное кресло с широкими подлокотниками, белая краска которого нуждалась в обновлении. Роман повернулся, чтобы изучить вид, который откроется для гостя, сидящего здесь. Немного леса, часть водной глади – очень привлекательный вид. Спокойный. Гостеприимный. Роман вспомнил о пистолете в своем рюкзаке. Внешний вид, вновь подумал он, бывает обманчив.

Слегка нахмурившись, Черити внимательно наблюдала за своим новым работником. Роман, казалось, не смотрел, а впитывал. Это была странная мысль, но она поклялась бы, что попроси его описать гостиницу через шесть месяцев, он сможет припомнить все вплоть до последней сосновой шишки.

Роман повернулся к ней, но ощущение осталось, став еще более явственным, более персональным. Подул легкий ветерок, и послышался звон «музыкальной подвески», которая свисала с карниза.

– Вы художник? – неожиданно спросила Черити.

– Нет. – Роман улыбнулся, и перемена в его лице была быстрой и очаровательной. – Почему вам пришла в голову такая мысль?

– Обычное любопытство.

«Тебе следует быть аккуратной с этой улыбкой», – решила для себя Черити. Она заставляла расслабиться, а Черити сомневалась, что Роман был из тех мужчин, рядом с которыми стоит терять бдительность.

Двойные стеклянные двери открылись в большую, просторную комнату, в которой витал запах лаванды и костра. Два длинных мягких дивана и пара кресел стояли возле огромного камина, где потрескивали дрова. В комнате были и антикварные вещи – стол и стул с тремя старыми чернильницами, дубовая вешалка для шляп, буфет с блестящими резными дверцами. В углу примостился музыкальный инструмент – спинет с пожелтевшими клавишами. Почти всю дальнюю стену занимали широкие арочные окна, благодаря которым воды океана выглядели частью интерьера комнаты. За столом возле окон две женщины неспешно играли в «Скраббл».

– Кто выигрывает сегодня? – спросила Черити.

Обе женщины широко улыбнулись.

– Пока мы в равном положении. – Женщина справа взбила волосы, когда заметила Романа. Она была достаточно пожилой, чтобы годиться ему в бабушки, но сняла очки и выпрямила худые плечи. – Я даже сначала не поняла, что ты привезла еще одного гостя, дорогая.

– Как и я сама. – Черити отошла, чтобы подбросить в огонь дров. – Роман Девинтер, мисс Люси и мисс Милли.

– Очень приятно. – Опять появилась эта его улыбка.

– Девинтер... – Мисс Люси надела очки, чтобы рассмотреть гостя лучше. – Милли, мы раньше не знали никого с фамилией Девинтер?

– Я не припоминаю. – Милли, всегда готовая к флирту, продолжала улыбаться Роману, хотя сейчас он был для нее не более чем размытым пятном. – Вы раньше были в гостинице, мистер Девинтер?

– Нет, мэм. Я впервые на островах Сан-Хуан.

– Вас ждет невероятное удовольствие. – С губ Милли сорвался короткий вздох.

То, что наделали годы, было ужасно. Казалось, только вчера красивые, молодые мужчины целовали ее руку и приглашали на прогулку. А сегодня они называют ее «мэм». Милли тоскливо вернулась к игре.

– Дамы приезжают в гостиницу так давно, что я и не помню их первого визита, – сказала Черити Роману, направляясь в глубь коридора. – Они очаровательны, но должна предупредить вас о мисс Милли. Мне говорили, что в свое время у нее была не самая хорошая репутация и она все еще любит привлекательных мужчин.

– Буду следить за каждым своим шагом.

– У меня создалось впечатление, что вы и так все время это делаете. – Черити вытащила из сумки связку ключей и отперла дверь. – Этот коридор ведет в западное крыло. – Она устремилась вперед – проворно и деловито. – Насколько вы можете видеть, обновления зашли достаточно далеко до того, как Джордж сорвал банк. Внутренняя отделка была снята. – Черити указала на аккуратные стопки досок вдоль недавно окрашенных стен. – Но двери необходимо заново отполировать. Новая оригинальная фурнитура вон в той коробке.

Сняв солнечные очки, Черити опустила их в сумку. Роман был прав – воротник ее рубашки практически в точности совпадал по цвету с ее глазами. Он заглянул в них, пока Черити осматривала работу Джорджа.

– И сколько здесь комнат?

– В этом крыле два номера, рассчитанные на одного человека, номер с двойным и семейным размещением. Все на разных стадиях погрома. – Черити обогнула дверь, которая была прислонена к стене, а затем вошла в комнату. – Вы можете занять эту. Она близка к завершению, по крайней мере, насколько возможно в этой части здания.

Комната была маленькой и светлой. В окно было вставлено витражное стекло, из него открывался вид на мельничное колесо. Кровать была не застлана, а полы не покрыты и требовали шлифовки. Обои, очевидно новые, покрывали стены от потолка до белой рейки, предназначенной для того, чтобы защитить стены от повреждения спинками стульев. Ниже шла голая стена.

– Сейчас не на что особо смотреть, – прокомментировала Черити.

– Все в порядке.

Ему случалось бывать в таких местах, по сравнению с которыми эта маленькая комната казалась номером фешенебельной лондонской гостиницы «Уолдорф».

Черити автоматически проверила гардеробную и прилегающую к ней ванную, мысленно отметив, что еще необходимо сделать.

– Вы можете сначала закончить ремонт здесь, и вам будет более уютно. Я не привередлива. У Джорджа была своя система. Я никогда ее не понимала, но обычно он справлялся со всем.

Роман засунул большие пальцы в передние карманы джинсов.

– А у вас есть план?

– Конечно.

Следующие тридцать минут Черити водила его по крылу и объясняла, чего она хочет. Роман слушал и внимательно изучал продланную работу. По детальным чертежам, которые успел изучить, он знал, что расположение западного крыла таково, что предоставляет свободный доступ к первому этажу и остальной части гостиницы.

Ему придется работать, задумался Роман, глядя на незаконченные стены. Он посчитал это маленьким бонусом. Ему нравилось работать руками, хотя в прошлом у него было мало времени для этого.

Инструкции Черити были невероятно точны – эта женщина знала, чего хочет. И намеревалась получить желаемое. Роману это понравилось. У него не было сомнений, что Черити хороша во всем, чем занимается – управляла ли она гостиницей или делала что-то другое.

– Что там, наверху? – Роман указал на лестницу в конце коридора.

– Мои комнаты. До них очередь дойдет после того, как будут закончены гостевые номера. – Черити позвякивала ключами, пока ее мысли устремились в дюжину различных направлений. – Итак, что вы думаете?

– О чем?

– О работе.

– У вас есть инструменты?

– В сарае, по другую сторону стоянки.

– Я справлюсь с этим.

– Хорошо. – Черити вручила ему ключ.

Они стояли в восьмиугольной гостиной семейного номера. Комната была пуста, но половину ее занимали кипы материалов и брезентов. Черити внезапно заметила, что они стоят достаточно близко друг к другу. Чувствуя себя неловко, она сняла ключ с кольца.

– Это вам.

– Спасибо. – Роман положил ключ в карман.

Черити глубоко вдохнула, задаваясь вопросом, почему чувствует себя так, будто только что сделала длинный шаг с закрытыми глазами.

– Вы пообедали?

– Нет.

– Я провожу вас на кухню. Мэй покормит вас.

Черити направилась к выходу – и слишком быстро. Она хотела убежать от ощущения, что находится с Романом наедине. И, чувствуя себя беспомощной, беспокойно повела плечами. Глупая мысль, сказала она себе. Она никогда не была беспомощной и все равно почувствовала облегчение, когда за ними закрылась дверь.

Черити повела его вниз по лестнице, через пустой вестибюль, а затем в большую столовую, украшенную рисунками, выполненными пастелью. На каждом столе стояли вазы из мато-

вого стекла с букетами свежих цветов. Из больших окон открывался вид на воду, и, будто продолжая тему, в южную стену был встроен аквариум.

Черити остановилась там на мгновение, почти не сбавляя шага, и начала изучать комнату, пока не осталась довольна тем, как накрыты столы для ужина. Затем она открыла дверь в кухню.

– Думаю, необходимо больше базилика.

– Нет, я абсолютно с тобой не согласна.

– Делайте что хотите, – еле слышно пробормотала Черити и с лучезарной улыбкой произнесла: – Дамы, я привела вам голодного мужчину.

Женщина, охраняющая кастрюлю, подняла вверх ложку. Лучшим словом для ее описания было «широкая» – лицо, бедра, руки. Она быстро осмотрела Романа чуть прикрытыми глазами.

– Тогда садитесь, – сказала она ему, указав в сторону длинного деревянного стола.

– Мэй Дженкис, Роман Девинтер.

– Мэм.

– И Долорес Рамзи.

Другая женщина держала банку с травами. Она была настолько же худой, насколько широкой казалась Мэй. Кивнув Роману, Долорес направилась к кастрюле.

– Держись подальше, – приказала ей Мэй. – И дай мужчине жареного цыпленка.

В ответ Долорес что-то пробормотала и отправилась искать тарелку.

– Роман собирается возобновить ремонт с того места, где его бросил Джордж, – объяснила Черити. – Он будет жить в западном крыле.

– Вы не местный? – Мэй вновь посмотрела на него так, как смотрят, по мнению Романа, на маленького, неряшливого ребенка.

– Нет.

Фыркнув, Мэй налила Роману кофе.

– Похоже, вам потребуется парочка приличных блюд.

– Так принеси их сюда, – добавила Черити, играя роль миротворца.

Она лишь вздрогнула, когда Долорес поставила перед Романом тарелку с холодным цыпленком и салатом.

– Нужно было самой положить больше укропа. – Долорес взглянула на Романа, будто приглашая его согласиться. – Да разве она стала бы слушать?

Роман понял, что лучшим выходом будет улыбнуться и набить рот едой. Прежде чем Мэй смогла ответить, вновь открылась дверь.

– Может путник получить здесь чашечку кофе? – Вошедший мужчина остановился и кинул на Романа любопытный взгляд.

– Боб Маллинз, Роман Девинтер. Я наняла его закончить западное крыло. Боб – один из моих многочисленных незаменимых помощников.

– Добро пожаловать.

Мужчина подошел к плите, налил себе чашку кофе и добавил три кусочка сахара, пока Мэй кудахтала над ним. Сладкое, казалось, не оказывает на него никакого воздействия. Он был высоким, вероятно даже около двух метров, и не мог весить больше ста шестидесяти килограммов. Его светло-каштановые волосы были коротко подстрижены и откинута с высокого лба.

– Вы из восточных штатов? – спросил Боб, попивая кофе.

– Из восточных по отношению к этому месту.

– Откровенно. – Он усмехнулся, когда Мэй взмахом руки попросила его отойти от плиты.

– Ты уладил проблему с продавцом фруктов и овощей? – спросила Черити.

– Все решено. Пока тебя не было, поступило несколько звонков. И есть пара бумаг, которые тебе нужно подписать.

– Все сделаю. И прямо сейчас. – Черити посмотрела на часы, а потом перевела взгляд на Романа: – Я буду в кабинете рядом с вестибюлем, если вам что-нибудь понадобится.

– Я справлюсь.

– Хорошо. – Черити еще одно мгновение изучала Романа. Она никак не могла понять, как он может находиться с четырьмя людьми в комнате и казаться одиноким. – Увидимся позже.

Роман совершил долгую, ленивую прогулку по гостинице, прежде чем начать переносить инструменты в западное крыло. Он увидел молодую пару – наверное, молодожены, судя по тому, как они обнимались возле пруда. На маленькой баскетбольной площадке играли мужчина и маленький мальчик. Уже знакомые Роману дамы оставили свою игру и сидели на крыльце, обсуждая сад. Семья из четырех человек, каждый из которых выглядел усталым, вышла из автомобиля-универсала и направилась в сторону домиков. По пирсу прогуливался мужчина в бейсболке и с видеокамерой на плече.

В кронах деревьев выводили веселые трели птицы, и в отдалении слышался приглушенный шум моторной лодки. А еще до Романа доносились звуки нерешительного плача ребенка и мелодии сонаты Моцарта, которую кто-то играл на фортепиано.

Если бы он самостоятельно не изучил все данные, то поклялся бы, что находится не в том месте.

Роман выбрал семейный номер и приступил к работе, задаваясь вопросом, как много времени ему потребуется, чтобы пробраться в комнаты Черити.

Было что-то умиротворяющее в физической работе. Прошло два часа, и он немного ослабился, посмотрел на часы и решил предпринять еще один, ненужный поход в сарай. Черити упоминала, что по вечерам в пять часов подается вино в том помещении, которое она называла общей гостиной. Ему не повредит еще раз посмотреть на постояльцев гостиницы.

Роман направился к выходу, но задержался возле своей комнаты. Он что-то услышал – какое-то движение. Осторожно открыл дверь и внимательно изучил пустую комнату.

Еле слышно напевая, Черити вышла из ванной, куда только что положила свежие полотенца. Она расправила белье и стала заправлять кровать.

– Что вы делаете?

Подавив крик, Черити попятилась, а затем опустилась на кровать, чтобы перевести дух.

– Боже мой, Роман, не делайте так.

Он вошел в комнату, наблюдая за ней прищуренными глазами.

– Я спросил, чем вы занимаетесь.

– А разве это не очевидно? – Черити похлопала рукой по стопке белья.

– Вы еще и ведете домашнее хозяйство?

– Время от времени. – Придя в себя, Черити встала и разгладила ладонью простыню. – В ванной есть мыло и полотенца, – сказала она ему, а затем склонила голову. – И вам бы все это не помешало. Были заняты?

– Именно для этого я нахожусь в гостинице.

Пробормотав что-то в знак согласия, Черити заправила уголки простыни в изножье кровати так же, как делала его бабушка.

– Я положила дополнительную подушку и одеяло в шкаф.

Черити отошла к другой стороне кровати, заправляя постель, и Роман чисто по-мужски наблюдал за ней. Он не мог вспомнить, когда последний раз видел, как кто-то заправляет постель. Это возродило в нем мысли, появиться которым Роман просто не мог позволить. Мысли о том, как это будет – вновь привести кровать в беспорядок... Вместе с Черити.

– Вы когда-нибудь останавливаетесь?

– Мне сказали, что завтра у нас ожидаются туристы. – Черити разложила на кровати белый плед. – Поэтому все немного заняты.

– Завтра?

– М-м-м. На первом пароме из Сиднея. – Она удовлетворенно взбила подушки. – Вы...

Черити замолчала и, повернувшись, оказалась возле Романа. Его руки инстинктивно потянулись к ее бедрам, а ладони Черити легли на его плечи. Объятия – незапланированные, нежеланные и невероятно интимные.

Черити была стройной под длинным, толстым свитером, понял Роман, даже более стройной, нежели он того ожидал. А глаза ее оказались куда ярче, больше и мягче, нежели имели на то право. Их голубой цвет был глубже, нежели на фотографии. От нее пахло гостиницей. Пахло этой гостеприимной смесью лаванды и дымом костра. Увлеченный ароматом, Роман продолжал держать Черити, хотя и знал, что делать этого не стоит.

– Что я?

Его пальцы лежали на бедрах Черити, притягивая ее чуть ближе. Роман видел в глазах Черити замешательство.

А сама Черити забыла обо всем. Она могла лишь смотреть, потрясенная ощущениями, которые пронзали ее тело. Ее пальцы невольно сжали рубашку Романа. У нее появилось ощущение, что в Романе дремлет сила, беспощадная, возможно, жестокая сила. И тот факт, что это возбуждает ее, заставил Черити онеметь.

– Вы чего-то хотите? – пробормотал он.

– Что?

Роман думал о том, чтобы поцеловать ее, накрыть ее губы своим ртом, дотронуться до них языком. Он наслаждался бы вкусом и молниеносно возникшей страстью.

– Я спросил, не хотите ли вы чего-нибудь. – Роман медленно провел руками под свитером к ее талии.

Шокирующая волна жара, давление его пальцев вернули Черити на землю.

– Нет.

Она начала отступать, но поняла, что ее крепко держат. И ей пришлось бороться с возрастающей паникой. До того как Черити вновь смогла заговорить, Роман отпустил ее. И к своему удивлению, она испытала разочарование. «Это странная реакция, – подумала Черити, – когда ты только что избежала сожжения».

– Я... – Она глубоко вдохнула и стала ждать, пока ее расшатанные нервы не придут в порядок. – Я собиралась спросить, нашли ли вы все, что требуется для работы.

– Похоже на то. – Роман все это время не отводил от нее глаз.

Черити сжала губы, чтобы немного увлажнить их.

– Хорошо. У меня много дел, поэтому я позволю вам вернуться к своему занятию.

Роман взял ее за руку до того, как Черити смогла уйти. Может, это и не было умно, но он хотел дотронуться до нее.

– Спасибо за полотенца.

– Без проблем.

Роман внимательно наблюдал за поспешным отбытием Черити, зная, что ее нервы вышли из-под контроля так же, как и его. Роман задумчиво вытащил сигарету. Он не мог вспомнить момент, когда так легко терял равновесие. И уж тем более из-за женщины, которая просто на него посмотрела. И все равно Роман обычно удачно выходил из сложных ситуаций.

Это может стать для него вызовом – подобраться к ней ближе, сыграть на ответной реакции, – который он ощутил в Черити. Игнорируя волну отвращения к себе, Роман чиркнул спичкой.

У него есть работа, которую нужно выполнить. И он не может позволить себе думать о Черити Форд иначе, чем как о средстве для достижения своей цели.

Роман глубоко затянулся и ощутил ноющую боль в животе.

Глава 2

Почти рассвело, и небо на востоке было фантастическим. Роман стоял на обочине узкой дороги, сунув руки в задние карманы джинсов. Он получал удовольствие от таких утренних часов, когда воздух холодный и кристально чистый, хотя у него редко находилось время для подобных занятий. Здесь можно дышать, а уж если позволить себе роскошь, то это самое подходящее место, чтобы отключить разум и просто чувствовать.

Роман дал себе тридцать минут – тридцать минут одиночества и покоя. Солнечный свет пробивался сквозь облака, превращая их в яркие фигуры. Фигуры из снов. Роман раздумывал над тем, стоит ли закурить. Но в конце концов отказался от этой мысли – сейчас ему хотелось только наслаждаться утренним воздухом с ароматом моря.

Где-то лаяла собака – слабое тьякканье служило лишь дополнением к окружающей обстановке. Чайки, стремясь найти себе пищу в столь ранний час, разрезали тишину гортанными криками. Благоухание цветов – праздник весны – изысканно дополнял тихий ветерок.

Роман задумался, почему раньше был настолько уверен, что предпочитает суету и шум крупных городов.

Стоя там, он увидел, как из-за деревьев выходит олениха, поднимает голову и втягивает в себя воздух. Это – свобода, внезапно подумал Роман. Знать свое место и довольствоваться им. Самка, аккуратно прокладывая себе путь, прошла по направлению к высокой траве. За ней следовал неуклюжий детеныш. Стоя против ветра, Роман наблюдал за ними.

Он чувствовал беспокойство. Даже пытаюсь принять и впитать окружающий мир, ощущал пробивающееся нетерпение. Это не его место. У него его просто нет. И поэтому он идеален для подобной работы. Ни корней, ни семьи, ни женщины, ждущей его возвращения. Именно этого Роман хотел сам.

Но вчера он чувствовал громадное удовлетворение, работая руками, тем самым оставляя след на долгие времена. Так лучше для его прикрытия, говорил себе Роман. Если он продемонстрирует некое умение и тщательность в работе, его примут с большей легкостью.

Да его уже приняли.

Черити доверяла ему. Она дала ему крышу над головой, пищу и работу, думая, что он нуждается во всем этом. Казалось, в ней нет никакой хитрости. Прошлым вечером что-то проскользнуло между ними, однако Черити не сделала ничего, чтобы спровоцировать или сделать глубже это ощущение. Она не посылала молчаливого приглашения, хотя Роман знал, что все женщины способны на это от рождения.

Черити просто смотрела на него, и все, что она ощущала, было до абсурдности ясно написано в ее глазах.

Роман не мог думать о ней как о женщине. И уж тем более не мог думать о ней как о своей женщине.

Он вновь испытал желание закурить и в этот раз намеренно подавил его. Если есть нечто такое, что ты хочешь невероятно сильно, лучше всего пренебречь этим. Как только ты подчинишься своему желанию, контроль будет утрачен.

А Роман хотел Черити. Вчера на одно ослепляющее мгновение он страстно возжелал ее. И это очень серьезная ошибка. Он пытался не думать о ней, но ничего не мог с собой поделать, когда слышал, как Черити идет в западное крыло ночью, когда до него донеслась легкая мелодия Шопена, льющаяся из ее комнат. И еще раз посреди ночи, когда, проснувшись в глубокой сельской тишине, он думал, мечтал о ней.

Но у Романа не было времени на желания. В другом месте и в другое время они могли бы познакомиться и получать удовольствие друг от друга столь долго, пока приходит наслаждение. Но сейчас Черити была частью задания – ни больше ни меньше.

Роман услышал звук шагов бегущего человека и инстинктивно напрягся. Олениха настоялась так же, как и он, – подняла голову, а затем быстро скрылась между деревьями вместе со своим детенышем. Оружие Романа висело на лодыжке – скорее по привычке, нежели по необходимости, – но он не стал доставать его. Если пистолет потребуется ему, то не пройдет и секунды, как он окажется в руке. Роман стал ждать, чтобы посмотреть, кто бежит по пустынной дороге на рассвете.

Черити часто дышала, но лишь из-за стремления поддерживать темп пса, а не из-за пробежки длиной в три мили. Людвиг то стремился вперед, то тянул ее вправо, то вдруг резко уходил влево, натягивал и ослаблял поводок. Это был ежедневный марафон, и оба – Черити и пес – уже давно привыкли к нему. Черити могла бы сдерживать маленького золотистого кокер-спаниеля, но не хотела портить ему веселье. И она сворачивала с дороги вместе с Людвигом, подстраиваясь под его темп, переходя то на быстрый бег, то на медленный шаг.

Черити машинально помедлила, заметив Романа. Затем Людвиг промчался вперед, и Черити отпустила поводок, пытаясь подстроиться под скорость собаки.

– Доброе утро, – выкрикнула она, а затем скользящим движением притормозила, когда Людвиг устремился к Роману и громко загавкал. – Он не кусается.

– Так всегда говорят. – Роман усмехнулся и опустил на корточки, чтобы потрепать собаку между ушей. Людвиг сразу же упал на землю, перекатился и подставил живот. – Хороший пес.

– Испорченный пес, – добавила Черити. – Я вынуждена держать его за забором из-за гостей, но зато он ест как король. А вы рано встали.

– Да и вы тоже.

– Я считаю, что Людвиг заслуживает хорошей пробежки каждое утро, ведь он не понимает, почему я держу его за забором.

Выражая признательность, Людвиг оббежал вокруг Романа, крутясь возле его ног.

– А сейчас я просто пытаюсь донести до его сознания значение поводка. – Черити остановилась, чтобы распутать Романа и успокоить скачущего пса.

Светлая куртка Черити была расстегнута, демонстрируя обтягивающую футболку, потемневшую на груди от пота. Зачесанные назад волосы делали заметнее ее широкие скулы. Кожа Черити казалась прозрачной, хотя щеки и покраснели после пробежки. Роману хотелось коснуться ее и почувствовать, какова она под пальцами. И проверить, появится ли та немедленная реакция вновь.

– Людвиг, постой спокойно хоть минутку. – Черити засмеялась и взяла пса за ошейник.

В ответ он подпрыгнул и попытался облизать ей лицо.

– Он хорошо слушается, – прокомментировал Роман.

– Теперь вы видите, почему я вынуждена держать его за забором. Он думает, что может играть с кем угодно. – Рука Черити коснулась руки Романа, когда она попыталась распутать поводок.

Когда Роман тронул ее запястье, они оба застыли. Он ощущал биение ее пульса, а затем почувствовал, как он убыстряется. Это был немедленный ответ, и он невероятно сильно возбуждал. Роману пришлось приложить все усилия, чтобы разжать пальцы. Он всего лишь хотел остановить Черити до того, как она нечаянно обнаружит оружие, спрятанное на его ноге. И теперь они склонились друг к другу посреди пустынной дороги, а между ними пытался пролезть пес.

– Вы дрожите, – осторожно проговорил Роман, но не отпустил ее. – Вы всегда так реагируете, когда мужчина касается вас?

– Нет. – Собственная реакция озадачила Черити, поэтому она оставалась неподвижной и ждала, что случится дальше. – Я уверена, что это в первый раз.

Роману было приятно слышать это признание, но слова Черити не оставляли его в покое, в них так хотелось поверить.

– Тогда нам стоит быть осторожными, не правда ли? – Он отпустил ее, а затем поднялся с корточек.

Черити тоже распрямилась, но сделала это куда медленнее, потому что не была уверена, сможет ли сохранить равновесие. А Роман чувствовал злость. Хотя он и сдерживал себя, но глаза отражали все.

– Я не очень часто задумываюсь об осторожности.

Его взгляд вернулся к ней – в нем был огонь, но он вдруг быстро и полностью исчез.

– Зато мне приходится это делать.

– Да. – Быстрый горячий взгляд встревожил ее, но Черити всегда могла постоять за себя. Она внимательно посмотрела на Романа. – Думаю, так и должно было быть из-за той жестокости, с которой вынуждены бороться. На кого вы так злы, Роман?

Ему не нравилось, когда его так хорошо понимали. Наблюдая за Черити, Роман опустил руку, чтобы погладить Людвига, который уперся передними лапами в его колени.

– Сейчас ни на кого, – ответил Роман, но это была ложь.

Он испытывал ярость, причиной которой был сам. В ответ Черити просто покачала головой:

– Вы имеете право хранить свои секреты, но я не могу перестать спрашивать – почему вы злитесь на себя за то, что ответили мне?

Роман лениво посмотрел на дорогу: сначала в одну сторону, потом в другую. Складывалось ощущение, что на острове, кроме них, нет никого.

– Хотите, чтобы я сделал что-нибудь прямо здесь и сейчас?

А он может, подумала Черити. И сделает. Если его подзадорить, он сделает именно то, что хочет и когда захочет. Дрожь возбуждения, которая проходила через нее, раздражала Черити. Такие мужчины – мачо – были совершенно для других женщин – не для Черити Форд. Она посмотрела на часы.

– Спасибо, уверена, что это – восхитительное предложение, но я должна вернуться и готовиться к завтраку. – Пытаясь совладать с псом, Черити возобновила путь, при этом надеясь, что поступь ее величава. – Я дам вам знать, смогу ли найти время, скажем, минут через пятнадцать.

– Черити?

– Да? – Она повернула голову и кинула на него холодный взгляд.

– Шнурки развязались.

Черити вскинула подбородок, продолжая идти.

Роман усмехнулся ей в спину и вновь засунул большие пальцы в карманы джинсов. Да, у этой женщины действительно превосходная походка. Черити начала ему нравиться, и это было очень плохо.

Романа интересовала группа туристов. Он слонялся по первому этажу, сидел за чашечкой кофе на кухне, лениво переговариваясь с полноватой Мэй и худощавой Долорес. Однако Роман не ожидал, что его привлекут к работе, но, когда обнаружил, что держит в руках стопку скатертей, попытался использовать это в своих интересах.

Черити, в ярко-красной толстовке с логотипом гостиницы на груди, укладывала свернутую салфетку в бокал. Роман подождал мгновение, наблюдая за тем, как ее ловкие пальцы расправляют салфетку.

– Куда это положить?

Черити оглянулась, задаваясь вопросом, следует ли ей все еще быть раздраженной на него, но затем решила, что дело того не стоит. В данный момент ей требовались дополнительные руки.

– Хорошо бы постелить на стол. Белые вниз, абрикосовые сверху под углом. Вот так, хорошо? – Черити указала на стол, который был полностью накрыт.

– Конечно. – Роман начал расстилать скатерти. – Как много туристов ожидается?

– Пятнадцать человек. – Черити подняла бокал к свету, критически осмотрела и только после этого поставила его на стол. – Завтрак включен у них в тур. А еще есть гости, которые зарегистрированы у нас. Мы подаем завтрак между семью тридцатью и десятью. – Она посмотрела на часы, а затем отошла к другому столу, очевидно оставшись довольной увиденным. – Кроме того, у нас есть несколько незапланированных гостей. – Отставив хлебную тарелку со сколом, Черити взяла другую. – Но по-настоящему лихорадку вызывают обед и ужин.

Долорес появилась с подносом, на котором стоял фарфоровый сервиз, а затем вновь исчезла, когда ее пронзительно окликнула Мэй. До того как успела закрыться кухонная дверь, через нее проскользнула официантка, с которой они накануне столкнулись на дороге. Она торопливо несла поднос с позвякивающим столовым серебром.

– Верно, – пробормотал Роман.

Черити быстро дала инструкции официантке, закончила накрывать еще один стол, а затем поторопилась к черной доске возле двери и принялась переписывать утреннее меню аккуратным почерком.

Долорес, чьи торчащие рыжие волосы и сжатые губы заставляли Романа думать о костлявом цыпленке, вихрем влетела в столовую и уткнула кулаки в худые бедра.

– Я не обязана терпеть это, Черити!

– Терпеть что? – Черити спокойно продолжила писать.

– Я делаю все, что могу, и ты ведь знаешь, я говорила тебе – у меня слабость.

Долорес всегда чувствует слабость, думала Черити, добавляя к списку омлет с беконом и сыром. Особенно когда что-то происходило не так, как Долорес хочет.

– Да, Долорес, я прекрасно знаю.

– У меня так сжимается в груди, что я едва дышу.

– Ага.

– Была почти полночь, но я все равно пришла. Как всегда.

– И я ценю это, Долорес. Ты знаешь, насколько сильно я завишу от тебя.

– Что ж... – Немного смягчившись, Долорес поправила фартук. – Думаю, ты можешь рассчитывать на то, что я выполню свою работу, но ты должна сказать женщине там... – Она махнула в сторону кухни. – Просто скажи, чтобы она убралась из-за моей спины.

– Я поговорю с ней, Долорес. Но и ты попытайся быть терпимой. Мы все измотаны сегодня утром, ведь Мэри Элис снова больна.

– Больна! – Долорес презрительно фыркнула. – Именно так это называют теперь?

Слушая вполуха, Черити продолжала писать.

– Что ты имеешь в виду?

– Если она больна, тогда почему ее машина опять всю ночь простояла на подъездной дорожке Билла Перкина? А теперь, с моим состоянием...

Черити перестала писать. Роман приподнял бровь, когда услышал неожиданно стальную нотку в ее голосе.

– Мы поговорим об этом позже, Долорес!

Скандалистка разочарованно выставила вперед нижнюю губу и направилась обратно в кухню.

Усмирив гнев, Черити повернулась к официантке:

– Как там, Лори?

– Почти готово.

– Хорошо. Если ты можешь справиться с зарегистрированными гостями, я вернусь, чтобы помочь тебе после того, как заселю группу туристов.

– Нет проблем.

– Я буду за столом регистрации с Бобом. – Черити рассеянно откинула косу за спину. – Если станет слишком сложно, пошли за мной. Роман...

– Хотите, чтобы я поработал помощником официанта?

Черити подарила ему быструю благодарную улыбку.

– А вы знаете как?

– Я быстро сообщу, что к чему.

– Спасибо. – Черити вновь взглянула на часы, а затем торопливо вышла.

Роман не ожидал, что получит удовольствие, но было сложно его не получить, когда мисс Милли флиртowała с ним. Аромат выпечки, что-то роскошное с яблоками и корицей, тихие звуки классической музыки и неясный шум разговора – со всем этим невозможно было не расслабиться. Роман относил подносы из кухни и обратно. Приглашенный обмен репликами между Мэй и Долорес был забавным, а отнюдь не раздражающим.

Поэтому Роман получал удовольствие. И использовал свой временный пост, чтобы выполнить работу.

Собирая со столов посуду, он наблюдал за туристическим автобусом, который въехал в центральные ворота. Роман считал головы и изучал лица туристов. Экскурсоводом был крупный мужчина в белой рубашке, которая едва не трещала на его плечах, с круглым, румяным, радостным лицом. Его губы все время растягивались в улыбке, пока он провожал своих пассажиров внутрь гостиницы. Роман перешел в другую часть комнаты, чтобы посмотреть, как туристы теснятся в вестибюле.

Там были пары и семьи с маленькими детьми. Экскурсовод – Роман уже знал, что его имя Блок, – поприветствовал Черити улыбкой, а затем вручил ей список гостей.

Знала ли она, что Блок отбыл срок в тюрьме в Левенуэрте за мошенничество? Была ли в курсе, что этот мужчина, с которым она шутила, избежал второго срока только благодаря своей изворотливости и недочетам в правовой системе?

Челюсть Романа напряглась, когда Блок протянул руку и легонько щелкнул по золотой сережке в ухе Черити.

Пока она назначала домики и разбиралась с ключами, двое туристов из группы приблизились к столу, чтобы обменять деньги. Пятьдесят у одного, шестьдесят у другого, заметил Роман, когда помощница Черити обменяла канадские банкноты на американскую валюту.

За десять минут туристов рассадили в столовой, и они уже пристально разглядывали меню завтрака. А Черити, надев фартук и открыв блокнот, стала принимать заказы.

Черити не выглядела суетливой, заметил Роман. То, как она общалась, улыбалась и отвечала на вопросы, производило впечатление, что у нее есть время всего мира. Но двигалась она как молния. Она несла три тарелки в правой руке, левой наливала кофе и ворковала над ребенком – и все это одновременно.

Что-то снедает ее, подумал Роман. Это было едва заметно... просто слегка хмурое выражение лица и морщинка между глаз. Неужели этим утром что-то пошло не так и он упустил это? Если в системе возникает проблема, в его обязанности входит найти и устранить ее. Именно по этой причине он и находится здесь.

Черити налила еще одну порцию кофе за столиком на четверых, пошутила с лысым мужчиной в галстуке-пейсли, а после направилась к Роману.

– Думаю, кризис миновал. – Черити улыбнулась, но он вновь что-то уловил... Злость? Разочарование?

– Есть в гостинице хоть что-то, чем вы не занимаетесь?

– Я пытаюсь держаться в стороне от кухни. У нашего ресторана трехзвездочная репутация. – Черити с тоской взглянула на кофейник – время для него придет позже. – Спасибо вам за энергичную работу сегодня утром.

– Все в порядке. – Роман понял, что хочет вновь увидеть улыбку на ее лице. Настоящую улыбку. – Мисс Милли даже пожала мне руку.

Теперь она обязана ему. Губы Черити быстро изогнулись, а взгляд на мгновение прояснился.

– Ей нравится, как вы выглядите в поясе с инструментами. Почему бы вам не передохнуть, прежде чем начать работу в западном крыле?

– Хорошая идея.

Черити скривилась, когда послышался звук бьющегося стекла.

– Я так и думала, что ребенок Снайдеров не хочет пить апельсиновый сок. – Она поспешила ликвидировать беспорядок и выслушать извинения родителей.

За столом регистрации было пусто. Роман решил, что помощник Черити закрылся в боковом кабинете или же относит багаж в домики. Он подумал, не стоит ли скользнуть за стол и быстро просмотреть книги, но решил все-таки подождать. Некоторую работу лучше делать во тьме.

Часом позже Черити направилась в западное крыло. Она смогла держать себя в руках, пока провожала гостей на первый этаж. Она улыбалась и разговаривала с пожилой парой, играющей в гостиную комнату в «Пачиси». Но как только за ней закрылась дверь, Черити выпустила наружу долго сдерживаемые проклятия. И теперь ей хотелось рвать и метать.

Роман стоял в дверном проеме и наблюдал, как она мечется по коридору. Злость сделала глаза Черити темными и сверкающими.

– Проблемы?

– Да, – резко ответила Черити. Она сделала полдюжины шагов мимо него, а затем резко крутанулась. – Я могу стерпеть некомпетентность и даже некую степень глупости. Могу даже вынести приступ лени. Но я не желаю быть обманутой.

Роман ждал секунду. Ее гнев был сильным и зрелым, но был направлен не на него.

– Я понимаю, – проговорил он и стал ждать продолжения.

– Она могла бы сказать мне, что ей требуется выходной или другая смена. Скорее всего, мы бы все уладили. Но она солгала мне – за две недели пять раз в последнюю минуту говорила, что больна. Я беспокоилась о ней. – Черити вновь повернулась, а затем сдалась и ударила по двери. – Ненавижу, когда из меня делают дуру.

Теперь было проще простого сложить два и два.

– Вы говорите об официантке... Мэри Элис?

– Конечно. – Черити вновь повернулась к Роману. – Три месяца назад она пришла ко мне и умоляла дать ей работу. В это время у нас мертвый сезон, но мне стало так ее жаль. А теперь она спит с Биллом Перкином. Правильней будет сказать, что она совсем не спит, поэтому звонит иказывается больной. Я вынуждена была уволить ее. – Черити резко и шумно выдохнула, давая выход эмоциям. – У меня начинается головная боль, когда приходится увольнять людей.

– Именно это волновало вас все утро?

– Как только Долорес упомянула о Билле, я все поняла. – Сейчас Черити немного успокоилась и попыталась избавиться от боли, потерев висок. – Я знала, что она будет плакать.

– Послушай, малыш, лучшим выходом будет принять аспирин и забыть об этом, – фамильярно проговорил Роман.

– Я уже приняла.

– Дай лекарству время подействовать. – Не отдавая себе отчета в том, что собирается сделать, Роман взял ее лицо в ладони и, двигая большими пальцами, стал медленно массировать ей виски. – Здесь происходит слишком много всего.

– Где?

– У тебя в голове.

Черити почувствовала, как ее веки становятся тяжелыми, а кровь – горячей. Но решила соответствовать его манере.

– Только не сейчас. – Черити запрокинула голову и позволила глазам закрыться. Двигаясь инстинктивно, она шагнула вперед. – Роман... – Черити слегка вздохнула, когда боль покинула ее голову и переместилась в самый центр тела. – Мне тоже нравится, как ты выглядишь в ремне с инструментами.

– Ты понимаешь, о чем просишь?

Черити внимательно изучала его губы. Полные и твердые, в поцелуе они будут беспощадными.

– Не совсем. – Возможно, это был порыв, подумала она, внимательно глядя на Романа. Она не знала. Но ее ощущения были новыми и захватывающими. – Может, так лучше.

– Нет. – Хотя Роман знал, что это было ошибкой, он не мог удержаться и пробежал пальцами по ее скулам, а затем по губам. – Всегда лучше подумать о последствиях, прежде чем делать что-либо.

– Значит, мы вновь соблюдаем осторожность.

– Да. – Роман уронил руки.

Черити должна была чувствовать благодарность – вместо того чтобы воспользоваться ее состоянием, он отступил. Она и хотела быть благодарной, но ощущала только боль от полученного отказа. Роман сам начал, думала она, и он же остановился. Она была по горло сыта тем, что шла на поводу прихотей.

– Ты много теряешь, Роман. Ведь верно? Теплоту, радость.

– И разочарование.

– Может быть. И если это твой выбор, пожалуйста. – Черити глубоко вздохнула. Ее головная боль возвращалась с удвоенной силой. – Больше не прикасайся ко мне. У меня привычка заканчивать то, что я начинаю. – Она посмотрела в комнату позади них. – Ты все делаешь здесь превосходно, – оживленно проговорила Черити. – Не стану мешать. Возвращайся к работе.

Роман ругал ее, пока шлифовал рейку для окна. У нее не было права заставлять его чувствовать вину только за то, что он хотел сохранять дистанцию. Стремление остаться в стороне не просто привычка для него, от этого зависела его жизнь. Если каждый раз, когда тебе понравится женщина, идти вперед, привыкнешь потворствовать своим желаниям.

Но это было больше, нежели простое влечение, определенно оно отличалось от всего того, что он ощущал ранее. Когда бы он ни оказывался рядом с Черити, его цель затуманивалась фантазиями о том, как это будет – находиться с ней, обнимать ее, заниматься с ней любовью.

Но фантазии фантазиями и останутся, напомнил себе Роман. Если все пойдет хорошо, он уедет через несколько дней. И до своего исчезновения, скорее всего, разрушит ее жизнь.

«Это твоя работа», – сказал себе Роман.

Он увидел ее идущей к фургону своим широким, целеустремленным шагом, в руке позвякивали ключи. За ней шли молодожены, которые держались за руки, несмотря на то что каждый из них нес чемодан.

Черити повезет их на пристань, подумал Роман. Это даст ему час, чтобы обыскать ее комнаты.

Он знал, как пройти по комнате, не оставляя следов. Сначала он сосредоточился на очевидном – стол в маленькой гостиной. Людям свойственно быть небрежными в уединении собственных домов. Лист бумаги, случайная записка, имя в адресной книге – все это выхватывает наметанный глаз.

Ее стол из красного дерева был старым и поцарапанным. Две латунные ручки немного разболтались. На столе все было аккуратно сложено и прекрасно организовано. Ее личные бумаги – документы по страховке, счета, письма – были сложены слева. Дела гостиницы занимали три ящика справа.

Проведя быстрый осмотр, Роман заметил, что гостиница приносит хорошую прибыль, большую часть которой Черити сразу же вкладывает в дело. Новые скатерти, постельное белье, сантехника, покраска. Плита, к которой так собственнически относилась Мэй, была приобретена всего шесть месяцев назад.

Конечно, Черити брала себе зарплату, но на удивление скромную. Роман даже после более тщательного осмотра не смог найти каких-нибудь доказательств того, что она использует финансы гостиницы для удовлетворения собственных нужд.

Честная женщина, с удивлением подумал Роман. По крайней мере, на первый взгляд.

На столе находилась плошка с ароматическим маслом, как и в любой другой комнате гостиницы. Рядом стояла фотография в рамке, на которой была запечатлена Черити перед мельничным колесом вместе с седоволосым, болезненного вида мужчиной.

Дедушка, решил Роман, но рассматривал он только фигуру Черити. Ее волосы были зачесаны назад, а мешковатая одежда перепачкана на коленях. Она работала в саду, предположил Роман. Черити держала в руках букет летних цветов. Она выглядела так, будто ее ничто не волнует, но он заметил, что свободной рукой она поддерживает пожилого мужчину.

Роман задался вопросом, о чем думала Черити в тот момент и что делала после того, как был сделан этот снимок. Он выругался и отвел взгляд от фотографии.

Черити оставила для себя несколько записок: «Вернуть образцы обоев», «Купить новые кубики для сундука с игрушками», «Позвонить настройщику пианино», «Починить спущенную шину».

Роман не нашел ничего, что имело отношение к причине его приезда в гостиницу. Оставив в покое стол, он тщательно обыскал оставшуюся часть гостиной.

Закончив в гостиной, Роман вошел в прилегающую к ней спальню. Кровать с пологом на четырех столбах была заправлена белым кружевным покрывалом и украшена вышитыми подушками. Рядом стояло красивое старинное кресло-качалка, его подлокотники были гладкими, как стекло. В кресле сидел большой плюшевый медвежонок с желтыми подтяжками.

В комнате висели очень пышные шторы. Черити оставила окна открытыми, и ветерок колыхал воздушную ткань. Женская комната, подумал Роман, поистине женская со всей этой вышивкой и подушками, легкими ароматами и светлыми цветами. И все же она радушно принимала мужчину, пробуждала желание. И Роману хотелось провести час, два, да всю ночь в этой мягкости, в этом комфорте.

Он прошел по коврику, связанному вручную, подавляя отвращение к себе, и направился к ее комоду.

Там он обнаружил несколько драгоценностей, которые посчитал семейной ценностью. Они должны лежать в сейфе, подумал он, разозленный на Черити. Там же стояли духи, и Роман точно знал их аромат. Они будут пахнуть так же, как кожа Черити. Роман едва не взял их, но все-таки сумел остановить себя. Его не должны интересовать духи. А вот улики – это именно то, что надо.

Взгляд Романа привлекла связка писем. От любовника? Роман задумался, подавляя внезапный приступ ревности, который посчитал нелепым.

Комната сводит его с ума, подумал он, аккуратно развязывая тонкую шелковую ленточку. Здесь невозможно было не мечтать о Черити, свернувшейся на постели и одетой во что-нибудь белое и тонкое, – ее волосы распущены, а свечи зажжены.

Роман покачал головой, разворачивая первое письмо.

Дата показала Роману, что письма были написаны в то время, когда Черити посещала колледж в Сиэтле. От ее дедушки, понял он, внимательно изучая послания. Каждое письмо. Они были написаны с любовью и юмором, и в них содержалось множество маленьких историй о ежедневной жизни гостиницы. Роман вернул их на то место, где и обнаружил.

Ее одежда в шкафу была повседневной, за исключением нескольких платьев. Там же стояли сапоги, кеды в травяных пятнах и две пары элегантных лодочек, между которыми уместились тапочки в форме слонов. Как и в других комнатах, здесь все было тщательно расставлено. Даже в шкафу он не нашел следов пыли.

На тумбочке рядом с будильником и баночкой с кремом Черити держала две книги. Одна была поэтическим сборником, а другая – детективом в отвратительной обложке. В ящике лежала припрятанная плитка шоколада, а в маленьком переносном стереопроигрывателе стоял диск Шопена. И свечи, дюжины свечей, сожженные до различной степени. На одной стене висел морской пейзаж в темных, штормовых тонах – серых и синих, на другой – фотографии, большинство которых были сделаны в гостинице, и на многих был ее дедушка. Роман осмотрел каждую из них. Но обнаружил только то, что краска на стене под ними побледнела.

Комнаты Черити были чистыми. Роман стоял посреди спальни, вдыхая ароматы свечей, ароматических масел и духов. В комнатах не могло быть чище, даже если бы Черити знала, что их будут обыскивать. И единственное, что удалось узнать Роману после тщательного обыска, – это то, что Черити очень организованная особа, которая любит удобную одежду и музыку Шопена. У нее слабость к шоколаду и детективным романам в мягкой обложке.

И почему это делает ее настолько пленительной?

Роман нахмурился и засунул руки в карманы, пытаясь мыслить объективно. Хотя раньше ему никогда не приходилось прилагать для этого силы. Все доказательства указывали на ее причастность к теневому бизнесу. Но за последние двадцать четыре часа он смог только установить, что Черити была открытой, честной и трудолюбивой женщиной.

И чему он поверит?

Роман направился к двери в дальнем конце комнаты. Она открывалась на узкое крыльцо, от которого длинная лестница вела к пруду. Он хотел открыть дверь, выйти и вдохнуть воздуха, но повернулся спиной и вышел так же, как и вошел.

Аромат спальни Черити оставался с ним еще несколько часов.

Глава 3

– Я говорила, что та девчонка не подходит?

– Я знаю, Мэй.

– Я говорила, что ты делаешь ошибку, принимая ее на работу?

– Да, Мэй. – Черити подавила вздох. – Ты говорила мне.

– Но ты продолжаешь собирать заблудшие души, поэтому рано или поздно тебе суждено обжечься.

– Ты и это говорила. – Черити с трудом противилась желанию закричать.

С довольным ворчанием Мэй закончила вытирать свою гордость – газовую плиту с восемью конфорками. Черити, может, и управляла гостиницей, но у Мэй были свои идеи о том, кто здесь главный.

– Ты слишком мягкосердечная, Черити.

– Мне кажется, ты называла это упрямством.

– И это тоже. – Мэй испытывала теплые чувства к своей молодой начальнице, поэтому налила ей стакан молока и отрезала большой кусок своего шоколадного пирога. Продолжая оживленно говорить, Мэй поставила то и другое на стол перед Черити. – А теперь съешь все это. Моя выпечка всегда помогает улучшить твоё душевное состояние.

Черити присела и опустила палец в сахарную глазурь.

– Я бы дала ей отгулы.

– Я знаю. – Мэй погладила Черити по плечу широкой ладонью. – Это твоя беда. Ты слишком серьезно относишься к своим ошибкам.

– Ненавижу, когда из меня делают дурочку. – Нахмурившись, Черити откусила большой кусок от пирога. Шоколад, она была уверена, излечит ее головную боль куда лучше целого пузырька с аспирином. А вот с чувством вины придется разбираться другим образом. – Думаешь, она найдет себе работу? Я знаю, что ей нужно выплачивать аренду.

– Такие люди, как Мэри Элис, всегда приземляются на ноги. Я совсем не удивлюсь, если они начнут жить вместе с этим мальчишкой. Поэтому тебе не стоит беспокоиться о таких, как она. Разве я не говорила тебе, что она не продержится и шести месяцев?

Черити затолкала в рот кусок пирога.

– Ты говорила мне, – с трудом пробормотала она.

– А что скажешь о мужчине, которого ты привела домой?

Черити сделала глоток молока.

– Роман Девинтер.

– Странное имя. – Мэй оглядела кухню, удивленная и слегка разочарованная тем, что ей нечем больше заняться. – Что ты знаешь о нем?

– Ему нужна была работа.

Мэй вытерла покрасневшие руки о фартук.

– Знаешь, есть масса воров-карманников, ночных взломщиков и серийных убийц, которым требуется работа.

– Он не серийный убийца, – заявила Черити.

При этом она подумала, что стоит отложить отрицание других занятий на более поздний срок.

– Может быть, да, а может быть, нет.

– Он скиталец. – Черити пожала плечами и еще раз откусила от пирога. – Но я бы не сказала, что у него нет цели. Он знает, куда направляется. Во всяком случае, сейчас Джордж на Гавайях танцует какой-нибудь национальный танец, а мне, Мэй, нужен кто-то на его место. Роман хорошо делает свою работу.

Мэй и сама увидела это во время короткой прогулки в западное крыло. Но у нее были и другие мысли.

– Он смотрит на тебя.

Застыв, Черити пробежала пальцем вниз и вверх по стакану.

– Все смотрят на меня. Я ведь всегда здесь.

– Не строй из себя дурочку. Я знаю тебя как свои пять пальцев.

– Какая разница, – усмехнулась Черити и повела плечами. – Значит, он смотрит? А я смотрю в ответ. – Когда Мэй недоуменно приподняла бровь, Черити только улыбнулась. – Разве не ты всегда говорила, что мне необходим мужчина?

– Есть один мужчина, а есть другой, – мудро проговорила Мэй. – Первый симпатичный и не боится работы. Но в нем чувствуется какая-то жестокость. Второй же был рядом, моя девочка, и здесь ничего не скажешь.

– Думаю, ты бы предпочла, чтобы я проводила время с Джимми Логерманом.

– Он – бесхребетный червяк.

После взрыва смеха Черити опустила голову на руки.

– Ты была права, Мэй. Я действительно чувствую себя лучше.

Мэй развязала фартук на своей широкой талии. Она не сомневалась, что Черити благоразумная девушка, но и сама собиралась не сводить глаз с Романа.

– Хорошо. Больше не ешь шоколадного пирога, а то полночи не заснешь от боли в животе.

– Да, мэм.

– И не оставляй на моей кухне беспорядок, – добавила Мэй, надевая практичное коричневое пальто.

– Так точно. Спокойной ночи, Мэй.

Черити вздохнула, когда дверь с грохотом закрылась. Обычно уход Мэй сигнализировал об окончании дня. Гости скоро лягут в постели или закончат свою позднюю карточную игру. Если не случится ничего непредвиденного, до рассвета Черити больше нечем было заняться.

Разве что подумать.

В последнее время Черити задумывалась об установке джакузи. Это может привлечь некоторых туристов. Она узнала цену установки для солярия и в мыслях уже могла видеть комнату отдыха в южном крыле гостиницы. Зимой гости могут, вернувшись из похода, принять горячую, булькающую ванну и закончить день бокалом пунша у огня.

Она и сама будет наслаждаться этим, особенно в редкие зимние дни, когда гостиница пустует и ей нечем заняться, разве что бродить в одиночестве.

В ее долгосрочный план входило открыть магазин сувениров, в котором продавались бы изделия местных художников и ремесленников. Ничего замысловатого, подумала Черити, простые вещи, соответствующие духу гостиницы.

Черити задумалась, останется ли Роман на такой долгий срок, чтобы помочь ей со всем этим.

Вероятно, думать о нем было неумно. Он – скиталец, повторяла себе Черити. Такие мужчины, как Роман, долго не задерживаются на одном месте.

Но она не могла перестать думать о нем. Практически с первого момента Черити что-то почувствовала. И прежде всего пришло влечение. Роман был привлекательным мужчиной, и эта привлекательность была опасной и буйной. Но было и что-то еще. В его глазах? В его голосе? В том, как он двигается? Она повертела оставшийся пирог, жалея, что не может понять, что в Романа так сильно зацепило ее. Вероятно, дело в том, что он отличается от нее – молчаливый, подозрительный, одинокий.

И все же... было ли это ее воображением, или действительно он, сам того не ведая, ждал, что до него дотянутся, достучатся, удержат? Ему нужен кто-то близкий, думала Черити, хотя сам Роман это отрицает.

Мэй права, с удивлением осознала Черити. У нее всегда была слабость к заблудшим душам и душещипательным историям. Но это другое. Она на мгновение закрыла глаза, жалея, что не может объяснить даже самой себе, почему на сей раз все по-другому.

Она никогда не испытывала ощущений подобных тем, которые накрыли ее с головой из-за Романа. Но дело не только в физическом влечении. И сейчас она могла признать это, хотя все равно в этом не было смысла. Однако Черити всегда думала, что подобные ощущения и не претендуют на здравый смысл.

В какое-то мгновение на пустынной дороге сегодня утром она ощутила, как эмоции у Романа перехлестнули через край. Они почти пугали своей немыслимой силой. Эмоции, которые могли причинить боль... тому, кто испытывает их, и тому, кто их вызвал. Они оставили ее потрясенной. А еще и вождедеющей, призналась самой себе Черити.

Она думала, что знает, каким на вкус будет его поцелуй. Не мягкий и сладкий, а сильный и жесткий. Когда будет готов, он не станет спрашивать, а просто возьмет. Черити жила, руководствуясь собственными мыслями, принимая решения самостоятельно. Атакой мужчина, как Роман, едва ли станет принимать в расчет желания женщины.

Будет куда лучше для них обоих сохранять чисто деловые отношения. Дружелюбие, но с осторожностью. Черити вновь опустила голову. Как же сложно ей будет держаться в этих рамках!

Роман наблюдал за Черити. Сейчас ее волосы были распущены и взъерошены, будто она расплела косу и нетерпеливыми пальцами растрепала волосы. Ее босые ноги были скрещены и лежали на стуле напротив.

Расслаблена. Роман вряд ли видел кого-нибудь настолько расслабленным, за исключением спящего человека, конечно. Это был резкий контраст с той бушующей энергией, которая бурлила в ней целый день.

Роман пожалел, что Черити не находится в своих комнатах, не лежит в постели и не спит. Он хотел избежать встречи с ней. Все стало слишком личным. Ему необходимо было убрать ее со своей дороги, чтобы пройти в кабинет, который находился рядом с вестибюлем. А вот это уже дело.

Роман знал, что ему следует отступить и выждать, пока Черити не отправится спать.

Что делало эту сцену настолько притягательной, настолько непреодолимой? В кухне было тепло, в воздухе распространились ароматы выпечки, приятно смешиваясь с запахами лимона и сосны – чистящего средства Мэй. Над раковиной висела корзина, в которой находилось зеленое растение. Каждая поверхность была чистой, блестящей и ровной. Мерно гудел большой холодильник.

Черити казалась настолько спокойной, будто ждала его прихода. Ждала, что он сядет рядом с ней и заговорит о незначительных, неважных вещах.

Это сумасшествие! Он не хотел, чтобы его ждала женщина и особенно чтобы ею была Черити.

Но Роман не отступил в тень столовой, хотя очень легко мог это сделать. Он сделал шаг вперед и вышел на свет.

– Я думал, за городом люди рано встают и рано ложатся.

Черити вздрогнула от неожиданности, но быстро пришла в себя. Она почти привыкла к его беззвучному появлению.

– Обычно так и есть. Но Мэй накормила меня шоколадом, и это взбодрило меня. Хочешь пирога?

– Нет.

– Отлично. Если бы ты согласился, то и я взяла бы себе еще кусочек, и потом мне было бы очень плохо. Никакой силы воли. Может, пива?

– А вот от пива не откажусь. Спасибо.

Черити медленно поднялась, подошла к холодильнику и быстро перечислила названия сортов пива. Роман сделал выбор и наблюдал за тем, как Черити наполняет высокий бокал. Она не была сердита, заметил Роман, хотя во время их последней встречи это чувство определенно владело ею. Значит, в Черити нет скрытой неприязни. Она не стала бы скрывать свои эмоции, решил Роман, забирая у нее бокал. Она простит все, что угодно, будет доверять всем и даст все, о чем попросят.

– Почему ты так смотришь на меня? – пробормотала Черити.

Роман сделал большой глоток пива.

– У тебя прекрасное лицо.

Черити подняла бровь, когда он опустился на стул и вытащил сигарету. Достав пепельницу из ящика, она села рядом.

– Мне нравится принимать комплименты, когда я заслуживаю их. Но не думаю, что это и есть причина твоего взгляда.

– Это достаточная причина, чтобы смотреть на женщину. – Роман глотнул пива. – У тебя был беспокойный вечер.

Пусть будет так, сказала себе Черити.

– Верно, и мне необходимо нанять новую официантку, причем сделать это надо быстро. У меня не было возможности поблагодарить тебя за помощь с обеденной толпой.

– Никаких проблем. Головная боль прошла?

Черити внимательно посмотрела на собеседника. Но нет, он не издевался над ней. Его вопрос был своего рода извинением, хотя она и не знала, почему так уверена в этом. И Черити решила принять это извинение.

– Да, спасибо. Злость на тебя отвлекла мои мысли от Мэри Элис, а шоколад Мэй довершил дело. – Черити подумала о чае, но решила, что ей лень его заваривать. – А как прошел твой день?

Черити улыбнулась, легко и непринужденно предлагая свою дружбу, и Роману было сложно сопротивляться, хотя он и не мог принять предложенный дар.

– Хорошо. Мисс Милли сказала, что дверь ее комнаты заедает, поэтому я сделал вид, что починил ее.

– И теперь она светится благодаря тебе.

– Не думаю, что меня так сильно пожирали взглядом когда-нибудь раньше. – Роман не смог сдержать улыбки.

– О, думаю, женщины на тебя смотрели, и случалось такое далеко не раз. – Черити склонила голову, чтобы изучить собеседника с нового ракурса. – Но не в пользу твоего самолюбия могу сказать, что в случае мисс Милли дело не в страсти, а в близорукости. Она слишком тщеславна, чтобы предстать в очках перед мужчиной, которому больше двадцати лет.

– Я бы лучше продолжал думать, что она бросает на меня плотоядные взгляды, – проговорил Роман. – Она сказала, что приезжает сюда дважды в год на протяжении многих лет.

Роман поразмыслил над этим одно мгновение, пораженный тем, что кто-то может время от времени возвращаться в одно и то же место.

– Она и мисс Люси – наши постоянные посетители. Когда я была ребенком, то считала их родственницами.

– А ты давно управляешь гостиницей?

– Время от времени я занималась этим в течение всех моих двадцати семи лет. – Улыбнувшись, Черити откинулась на стуле. Она была женщиной, которая легко расслабляется и получает удовольствие, смотря на расслабленных людей. А сейчас Роман именно таким и казался, думала Черити. Ноги вытянуты под столом, а в руке бокал пива. – Ты ведь в действительности не хочешь слышать историю моей жизни, верно, Роман?

– Мне нечего делать. – Роман выдохнул кольцо дыма.

Но куда сильнее он хотел услышать версию Черити касательно того, о чем он прочитал в ее деле.

– Хорошо. Я родилась здесь. Моя мать влюбилась чуть позже, нежели большинство девушек. Ей было почти сорок, когда родилась я, и мама была слаба. Поэтому конечно же не обошлось без сложностей. После того как она умерла, меня растил дедушка, поэтому я выросла здесь, в гостинице, за исключением того времени, когда училась в школе. Я любила это место. – Черити оглядела кухню. – В школе я тосковала по нему и по деду. Даже в колледже я так сильно скучала, что приезжала домой каждые выходные. Но он хотел, чтобы я увидела что-нибудь еще, перед тем как обоснуюсь здесь. Я собиралась немного попутешествовать и набрать новых идей для гостиницы. Посмотреть Нью-Йорк, Новый Орлеан, Венецию. Я не знаю...

– И почему ты этого не сделала?

– Дедушка болел. И я училась на последнем курсе, когда узнала, насколько тяжело он болен. Я хотела бросить учебу, приехать домой, но сама идея расстроила дедушку так сильно, что я поняла – лучше будет закончить колледж. Он держался еще три года, но это было... сложно. – Черити не хотела говорить о слезах и ужасе, о своем истощении из-за управления гостиницей и заботе о почти инвалиде. – Он был самым мужественным, добрым мужчиной, которого я когда-либо знала. Дедушка был неотъемлемой частью этого места, и временами я жду, что он войдет в комнату и начнет проверять, нет ли пыли на мебели.

Роман молчал одно мгновение, думая о том, что Черити упустила, и о том, что рассказала ему. Роман знал, что ее отец неизвестен – серьезная проблема где угодно, но особенно в маленьком городе. В последние шесть месяцев жизни ее дедушки затраты на врачей практически разорили гостиницу. Но она не заговорила о подобных вещах, а он не отметил никаких признаков горечи.

– Ты когда-нибудь думаешь продать эту гостиницу и переехать?

– Нет. Временами я по-прежнему подумываю о Венеции. Есть дюжина мест, которые я хотела бы посетить до тех пор, пока у меня есть гостиница, в которую я могу возвращаться. – Черити встала, чтобы принести Роману еще пива. – Когда управляешь подобной гостиницей, узнаешь людей из разных мест. Всегда можно услышать истории о новых городах и странах.

– Замена путешествиям?

Его слова ужалили, вероятно, потому, что были слишком близки к ее собственным мыслям.

– Может быть. – Черити поставила бутылку рядом с его локтем, затем отнесла свою посуду в раковину. Даже зная свое болезненное отношение к этой теме, она не могла не рассердиться. – Некоторые из нас скучны.

– Я не сказал, что ты скучная.

– Нет? Что ж, думаю, так и есть для того, кто собирается и едет, куда и когда хочет. Просто спокойная и наивная.

– Ты вкладываешь слова в мой рот, малыш.

– Это легко сделать, *малыш*, потому как сам ты редко вкладываешь туда хоть что-то. Выключи свет, когда будешь уходить.

Роман взял ее за руку, когда она проходила мимо, но пожалел об этом почти сразу же. Мрачный, дерзкий взгляд, который она кинула на него, создал цепную реакцию, которая пошатнула всю его систему. Он просто сгорал от желания осуществить то, что ему хотелось, – и они оба никогда этого не забудут.

– Почему ты злишься?

– Я не знаю. Похоже, не могу говорить с тобой больше десяти минут и не раздражаться. Обычно я хорошо схожусь с людьми, так что, думаю, все дело в тебе.

– Вероятно, ты права.

Черити немного успокоилась. Это ведь не его вина, что она нигде не была.

– Ты находишься здесь меньше сорока восьми часов, а я уже успела поругаться с тобой три раза. Это рекорд для меня.

– Я не веду счет.

– О, думаю, ты делаешь это. Сомневаюсь, что ты забываешь хоть одну малейшую деталь. Ты работал полицейским?

Роману пришлось приложить значительные усилия, чтобы сохранить лицо доброжелательным, а пальцам не позволить сжаться.

– Почему?

– Ты сказал, что не был артистом. Это моя первая догадка. – Черити расслабилась, хотя он не убрал своей ладони с ее руки. Гневом она наслаждалась только в быстрых и коротких вспышках. – Все дело в том, как ты смотришь на людей – будто запоминаешь описания и какие-то отличительные приметы. И временами, когда я рядом с тобой, создается впечатление, что мне стоит готовиться к допросу. Может, писатель? Когда занимаешься гостиничным бизнесом, добиваешься успехов в сопоставлении людей с их профессиями.

– В этот раз ты ошиблась.

– Что ж, тогда кто ты?

– Сейчас я разнорабочий.

Черити пожала плечами, позволяя себе отпустить эту тему.

– Еще одна черта персонала отеля – уважение к частной жизни, но если ты окажешься серийным убийцей, Мэй никогда не позволит мне забыть об этом.

– Обычно я убиваю только одного человека зараз.

– Это хорошие новости. – Черити проигнорировала беспокойство: а вдруг он говорит чистую правду? – Ты все еще держишь меня за руку.

– Я знаю.

Отлично, подумала Черити и стала прилагать усилия, чтобы ее голос не сорвался.

– Я должна попросить, чтобы ты отпустил меня?

– Я бы не сделал этого, попроси ты или не проси.

– Хорошо. – Черити глубоко вздохнула, успокаиваясь. – Чего ты хочешь, Роман?

– Убрать это препятствие с дороги для нас обоих.

Ее шаг назад был инстинктивным и куда более удивительным для Черити, нежели для Романа.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Как и я. – Свободной рукой он собрал волосы Черити. Они были шелковыми, как он и думал. Густые и такие мягкие, что его пальцы утонули в них. – Но лучше я буду сожалеть о том, что сделано, а не о том, на что не решился.

– Я бы предпочла не жалеть совсем.

– Слишком поздно. – Роман услышал тяжелый вдох Черити, когда привлек ее к себе. – Так или иначе, у нас у обоих будет о чем сожалеть.

Роман намеренно вел себя грубо. Он умел быть нежным, хотя и редко применял это знание на практике. С ней он желал быть только таким, какой есть. Возможно, поэтому он решил действовать жестко. Он хотел напугать ее, убедиться, что, когда отпустит ее, Черити побежит. И побежит от него, потому что он знал, насколько плохо для нее будет приближаться к нему.

Глубоко в мыслях Романа была спрятана надежда, что он сумеет напугать ее достаточно сильно, подавить и в ответ она отправит его собирать вещи. Если Черити так сделает, то будет в безопасности от него, а Роман – от нее. Он думал, что сможет быстро добиться своего. Но внезапно стало невозможно думать совсем.

Ее вкус был божествен. Роман никогда не верил в существование рая, но привкус на ее губах – чистый, сладкий и многообещающий – заставил его сомневаться. Ее рука взлетела к

груди Романа в автоматическом, защитном жесте. Но все равно Черити не боролась с ним, хотя Роман и был уверен в обратном. Она встретила его сильный, почти жестокий поцелуй страстью и доверием.

Мысли Романа спутались. Это был пугающий опыт для мужчины, который держал свои мысли под невероятно жестким контролем. А затем его сознание наполнилось Черити – ее запахом, ее прикосновением, ее вкусом.

Роман сделал шаг назад – теперь ради своей безопасности, а не ради Черити. Он всегда преодолевал трудности. Его дыхание стало быстрым и необузданным. Одна рука его все еще оставалась в ее волосах, а другая крепко держала Черити за руку. Он не мог отпустить ее, как бы ни уговаривал себя дать ей свободу, уйти, но сдвинуться с места не мог. Глядя на Черити, он видел в ее глазах собственное отражение.

Роман проклинал ее – это было последней попыткой – до того, как вновь приник к ее губам. Он направляется не в рай, говорил себе Роман. Его конечным пунктом будет ад.

Черити хотела утешить его, но Роман не давал ей шанса. Как и раньше, оставалось пространство только для чувственного восприятия.

Она оказалась права – поцелуй Романа не был мягким, он был жестким, беспощадным, ему невозможно было сопротивляться. Без промедления, без мысли о самосохранении Черити открылась ему, жадно беря то, что было предложено, и самоотверженно отдавая то, что требовал Роман.

Спина Черити прижималась к гладкой поверхности холодильника, она была поймана в ловушку его упругим телом. Она бы прильнула к нему еще теснее, если бы такое было возможно.

Черты лица Романа ожесточались, когда он прикасался к Черити, а она дрожала от невероятного возбуждения, которое волнами прокатывалось по ее телу. Она отчаянно прикусила его нижнюю губу и почувствовала новую волну восторга, когда Роман застонал и углубил поцелуй.

Черити хотела, чтобы его руки касались ее. Она пыталась прошептать об этой непреодолимой нужде, но смогла только застонать. Ее тело изнывало от страсти. Одно только предвкушение его рук, пробегающих по ней, заставляло Черити содрогаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.